

УДК 94(510).08+303

КУРАС Леонид Владимирович – д.и.н., профессор, главный научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, ул. Сахьяновой, 6; kurastlv@yandex.ru)

МОНГОЛИЯ В СОСТАВЕ ИМПЕРИИ ЦИН В НАЧАЛЕ XX в.

Аннотация. В статье рассматривается усиление политики колонизации Монголии в начале XX в. и попытки превратить ее в одну из провинций империи Цин, проявившиеся в форме «новой политики», что в конечном итоге привело к победе Синьхайской революции в Китае. В свою очередь, это способствовало росту национально-освободительной борьбы монгольского народа и формированию монгольской государственности.

Ключевые слова: Монголия, Китай, империя Цин, китайская колонизация, маньчжуры, буддизм, Синьхайская революция.

Начиная со второй половины XIX в. Цинская империя стала активно проводить масштабные экономические, политические и военные реформы модернизационного характера, вошедшие в историю под названием «новой политики» (синьчжэн). Осуществление реформ объяснялось главным образом поворотом политики династии Цин в Монголии, ставившей целью колонизацию монгольских земель, увеличение численности маньчжурских войск, отстранение монгольских феодалов от управления страной и усиление экономического господства китайского торгово-ростовщического капитала.

«Новая политика» распространялась на всю территорию Цинской империи, в т.ч. и на Монголию, которая существовала несколько обособленно и в своем внутреннем развитии имела известную долю самостоятельности. В связи с этим маньчжурские правители видели в Монголии объект своей колонизационной политики, направленной на захват монгольских земель и превращение ее в одну из провинций Цинской империи [Калинников 1926: 18], в противовес назревавшему процессу провозглашения независимости Монголии, становлению нового независимого государства.

В 1906 г. служба империи Цин, ведавшая зависимыми монгольскими территориями (Лифаньюань), была преобразована в Министерство колоний (Лифаньбу), что в определенной степени символизировало отход Цинского двора от ранее патерналистского отношения к его монгольским вассалам и отражало характер так называемого нового курса, проводимого в Монголии с конца XIX в.

Основным стержнем нового курса была политика китайской колонизации монгольских земель и превращение Монголии в обычную рядовую провинцию Китая. Ученые по-разному оценивают цели «новой политики» цинских властей. По мнению И.Я. Златкина, «изменившееся отношение маньчжуров к китайской колонизации Монголии было вызвано следующими причинами, во-первых, ослабить недовольство китайского крестьянства, страдавшего от безземелья; во-вторых, воспрепятствовать укреплению позиций России в Монголии, образовав вдоль границы широкую полосу китайских поселений». Таким путем создавался прочный барьер, преграждающий путь русскому влиянию в Монголии [Златкин 1957: 135]. Н.Е. Единархова считает, что «пересмотр маньчжурской политики в отношении Монголии в последней четверти XIX в. был связан, во-первых, со сращиванием интересов маньчжурских чиновников и представителей торгово-ростовщических кругов Китая и, во-вторых, с развитием кризисной ситуации в Китае» [Единархова 2009: 18]. Монгольский историк Н. Хишигт выделяет две задачи «новой политики»: во-первых, ликвидацию самостоятельного существования Монголии с последующим установлением над ней непосредственного контроля со стороны Китая; во-вторых, китаизацию монгольского общества, что представляло собой настоя-

шую угрозу существованию монголов [Хишигт 2011: 19]. По мнению Е.А. Белова, «конечной целью тогдашних пекинских правителей была, по всей видимости, постепенная китаизация, ассимиляция монголов с тем, чтобы они навсегда и прочно оставались в пределах Китая» [Белов 1998: 16].

Таким образом, маньчжуры со второй половины XIX в. начинают постепенно отходить от своей традиционной политики изоляции и патернализма и берут курс на активную колонизацию Монголии. Цинское правительство начало с регистрации распаханых полей и всех свободных земель, пригодных для распашки, с одновременным изучением природных богатств Монголии. Разветвленная сеть колонизационных бюро, подключение к процессу китайских банков, принудительное переселение китайцев стали основными орудиями колонизации Монголии. Цинскими властями был отменен закон, ранее запрещавший засеивать монгольские земли, и Китай переходит к прямым захватам монгольских земель. С этого момента начинает проводиться политика поощрения китайских переселенцев, переезжавших в Монголию с семьями. Был разработан детальный план китайской колонизации, согласно которому стимулировалась массовая миграция китайских крестьян, особенно в пограничные с Россией районы. Вместе с тем происходило усиление роли маньчжурской администрации и ограничение прав местных властей, готовилась реорганизация гражданского и военного управления в духе общей трансформации государственного устройства страны. В частности, был издан императорский указ об участии представителей Монголии в будущем китайском парламенте, а для проведения ускоренной колонизации в Урге, Улясутае, Кобдо были открыты отделения китайского Дайцинского банка.

Одновременно с этим Цинская империя стала проводить военную реформу. Она укрепляла армию на границе с Россией, заменяя монгольские караулы на маньчжуро-китайские военные гарнизоны. Что касается роста численности китайского населения, то, по данным К. Дэмбэрэла, «в 1909 г. в Монголии насчитывалось 20 тысяч китайцев, а в 1910 г. их численность достигла 100 тысяч только в одной Урге» [Дэмбэрэл 2002: 47].

Ярким примером вторжения маньчжуров во все сферы монгольской жизни стало снятие запретов на браки между монголами и китайцами, принятие монголами китайских фамилий, изучение ими китайской письменности и привлечение китайцев на службу в Монголии. В городах и поселениях Северной Монголии создавались отделы карательной полиции.

Вместе с тем китайское экономическое влияние в Монголии обладало существенным преимуществом по сравнению с российско-монгольской интеграцией. Это позволяло маньчжурам активно использовать более китаизированную Внутреннюю Монголию как возможный плацдарм для наступления на Северную Монголию. Тогда же Цинская империя заявила о своем желании издать «Устав по организации при таможенных пунктах транспортных комитетов», которые с 1911 г. должны были заниматься сбором таможенных пошлин с любого вида транспорта между городами внутри Монголии и с ввозимых и вывозимых товаров из расчета за каждый выюк верблюда.

За короткий срок в Монголии было создано более 20 организаций, подведомственных маньчжурам. При этом все намеченные для Монголии преобразования осуществлялись за счет местного бюджета. Все это свидетельствовало о том, что маньчжуры проводили целенаправленную политику насаждения китайской культуры, образования, нравов, и в дальнейшем это могло привести к потере государственности, чувства национального самосознания монголов. Реформа коснулась и других важных областей монгольской жизни. Так, с конца XIX в. началось обучение детей монгольских верхов маньчжурскому и китайскому языкам, что говорит о дальновидности маньчжурских властей, заранее готовивших свои управленческие кадры в Монголии.

Маньчжуры довольно ревниво относились к росту численности монгольских лам и стремились ослабить влияние буддизма в стране, ибо именно буддизм нес в себе консолидирующее начало, которое могло стать идеологическим оружием в борьбе за независимость монголов. Не случайно именно религия в дальнейшем станет

идеологией борьбы за независимость монголов, а богдо-гэгэн, глава буддийской церкви, – символом возрождения монгольского государства.

По мере активизации цинской политики усилилась торгово-ростовщическая деятельность китайских купцов. Общий годовой оборот всех китайских фирм во Внешней Монголии к концу XIX в. исчислялся в несколько десятков миллионов лан¹. О богатстве фирм Да Шэнху и Юань Шэндэ монголы говорили, что первая из них может устлать дорогу от Урги до Пекина (2 тыс. км) 50-лановыми серебряными слитками, а вторая – покрыть всю эту дорогу верблюдами по паре в ряд [История Монгольской... 1983: 228]. По свидетельству И.М. Майского, только одна китайская фирма Да Шенху ежегодно угоняла из Северной Монголии в Китай до 500 тыс. овец и до 70 тыс. лошадей [Майский 1959: 172]. По оценке К. Дэмбэрэла, «Цинский Китай нес в Монголию экономическое рабство, разрушал основные устои монгольского экономического быта и вместе с тем выкачивал из Монголии весь ее доход» [Дэмбэрэл 2002: 49]. Кредитуя товарами и деньгами монгольских феодалов и аратов, торгово-ростовщические фирмы Китая делали все для того, чтобы превратить их в неоплатных должников. Характеризуя китайскую торговлю, И.М. Майский отмечает: «Если хозяева отказывались от всего или части привезенного в долг товара, приказчик, сопровождавший караван, вынимал хадак², глиняный горшочек с вином, какую-нибудь мелочь по части галантереи и все это с поклоном преподносил строптивому монголу. Не принять подарка было нельзя, по монгольским понятиям, это означало бы жестокое оскорбление... Таким путем китайские купцы почти насильно заставляли монголов влезать в долги, за которые впоследствии им приходилось тяжело расплачиваться» [Майский 1959: 176].

Таким образом, китайский торгово-ростовщический капитал создал в Монголии гибкую организацию, помогавшую ему сохранять монопольное положение на монгольском рынке. Известный монгольский историк Б. Ширендыб отмечает, что «разоренные араты бесплатно трудились у феодалов, батрачили у богатых аратов, занимались охотой и ремеслом, работали проводниками караванов у торговцев, а небольшое количество аратов начали заниматься земледелием, и лишь немногие шли на работу к иностранным купцам» [Ширендыб 1971: 22]. Характеризуя бедственное положение монголов, агент русского министерства торговли А.П. Болобан отмечал: «Все чиновники единогласно утверждают, что население хошунов уменьшается...» [Болобан 1914: 51–52]. Как отмечали в своих заметках русские ученые М.И. Боголепов и М.Н. Соболев, «волны Желтого моря... заливали изможденную Монголию» [Боголепов, Соболев 1911: 72]. Другой известный монголовед А.В. Бурдуков пишет в своих воспоминаниях: «Пробуждение к жизни монгольского народа было вызвано возрастающей агрессивностью Китая, двинувшего волны переселенцев, которые заполнили всю Внутреннюю Монголию, а затем устремились в Восточную Халху, Ургу и другие менее значительные центры Северо-Западной Монголии. Покровительствуемые китайскими властями, они захватывали наиболее удобные земли для поселения... Вот это-то начавшееся поглощение Китаем Монголии и угроза неизбежной ассимиляции и разбудили у монголов чувство национального самосохранения» [Бурдуков 1969: 27]. Маньчжурское владычество губительно отразилось не только на условиях жизни трудящихся масс, но и на росте народонаселения.

Произвол цинских чиновников, хищническая деятельность китайского торгово-ростовщического капитала, массовое переселение китайцев, захватывавших лучшие земли в Монголии, утрата национальных ценностей не могли не вызывать сопротивление коренного населения, выразившееся в росте антиманьчжурских и антикитайских настроений.

Известный монголовед Ш.Б. Чимитдоржиев выделил три этапа борьбы монголов за независимость в XVII–XVIII вв. [Чимитдоржиев 2002: 5], подчеркнув, что эти выступления были неподготовленными и стихийными, у них не было единого

¹ Лан – мера веса и денежная единица в Китае, слиток серебра весом 37,3 грамма.

² Хадак – ритуальный длинный шарф, один из буддийских символов гостеприимства, чистоты и бескорыстия даящего.

руководства, и они жестоко подавлялись маньчжурскими властями. Но значение их было велико, ибо они подготовили почву для последующей национально-освободительной борьбы и способствовали формированию мировоззрения монгольского народа.

В XIX в. в Монголии возникала новая общественно-политическая идеология, основанная на буддизме, которая объединила вокруг себя все слои монгольского общества.

К началу XX в. Монголия, охваченная тяжелым кризисом, превратилась в мятежный край Цинской империи. В освободительной борьбе монголов следует выделить дугуйланское движение во Внутренней Монголии. В 1899 г. монгольские князья обратились к маньчжурскому императору с петицией, в которой требовали отстранить улясутайского цзянцзюня [цинского чиновника] и его помощников от должности и коренным образом улучшить положение монголов. Петиция заканчивалась угрозой: «Если дело и дальше так будет идти, то монголам ничего не останется, как взяться за оружие». Цинское правительство ответило усилением репрессий и судов над инициаторами этой петиции. В это же время в Улясутае взбунтовались две тысячи монгольских цириков, мобилизованных для подавления восстания ихэтуаней в Китае и переданных хошунными властями в распоряжение маньчжурского гарнизона. Они громили купеческие конторы и лавки, а затем разбегались по домам [История Монголии 207: 26]. Крупные аратские выступления произошли в хошунах Сансрайдоржа, Цэцэнхановского аймака, в Дархан-бэйлэ Дзактухановского аймака, в Урге. Из Внутренней Монголии прибывают представители монгольских племен, которые проводят переговоры с духовным лидером монголов Джебцзун-Дамбой-хутухтой о совместной борьбе за независимость всей этнической Монголии. Они подробно описали все убийства, зверства, притеснения, чинившиеся маньчжурскими властями во Внутренней Монголии [Дэндэв 2011: 27].

Таким образом, к 1911 г. все разрозненные выступления монголов слились в единый поток национально-освободительной борьбы, направленной против маньчжурского господства. При этом следует подчеркнуть, что в освободительном движении Монголии начала XX в. центральную роль играл буддизм, консолидирующий нацию. Высшее духовенство активно поддержало идею восстановления монгольской государственности. В этих условиях большое значение для распространения патриотических настроений во Внешней Монголии имела агитация такого харизматического лидера, как Далай-лама XIII. Его политическая активность способствовала возобновлению в Халхе национально-освободительного движения.

Борьба против иноземных захватчиков нашла отражение в фольклоре монгольского народа. Большой популярностью в народе пользовалось сказание об Амурсане, возглавившем в середине XVIII в. восстание ойратов и хотгойтов против маньчжурских завоевателей. Оно вселяло надежду на наступление дня освобождения страны от поработителей и угнетателей. В сказании упоминалось, что Амурсана появится из России в сопровождении русского войска, чтобы освободить сородичей от иноземцев. А.П. Беннигсен, находившийся в 1909–1911 гг. в Монголии, отмечал: «Монголы ждут Амурсану с нетерпением... Нет ни одного монгола, который не знал бы легенды об Амурсане. И кто бы ни появился под именем Амурсаны, <...> монголы все последуют за ним» [Беннигсен 1912: 62]. В И. Кушелев пишет: «Во время моего путешествия через всю Монголию, я повсеместно слышал из уст решительно всех случайно встречавшихся монголов, что они не могут дождаться той минуты, когда они, наконец, станут независимыми от Китая, а главное, когда им протянут руку помощи русские, которых они считают своими братьями» [Кушелев, Беннигсен, Свечников 1912: 62].

Итак, в начале XX в. маньчжурская династия в Китае столкнулась с тяжелейшим кризисом, выйти из которого она надеялась за счет реформ, в т.ч. и на территории Монголии. Цинская империя стала проводить «новую политику», направленную на активную колонизацию монгольских земель. Весь ход событий в период, когда Монголия находилась под властью маньчжурских завоевателей (с 1691 по 1911 г.),

показывает, что это был тяжелый период в истории монгольского народа. Монголы осознавали всю опасность, грозившую им со стороны Китая, начавшего колонизацию их исконных земель, которая должна была завершиться превращением Монголии в обычную китайскую провинцию с утратой монголами самобытности и их дальнейшей ассимиляцией.

Произвол цинских чиновников, хищническая деятельность китайского торгово-ростовщического капитала, массовое переселение китайцев, захватывавших лучшие земли в Монголии, утрата национальных ценностей не могли не вызвать сопротивления коренного населения. Монголия издавна считалась буддийской страной, и возрождение монгольской государственности в форме буддийской монархии стало объективной реальностью. Поэтому не случайно именно богдо-гэгэн, глава буддийской церкви, стал своеобразным знаменем и символом возрождения монгольского государства.

Таким образом, все процессы в обществе развивались на фоне обостряющегося внутривосточного кризиса империи, явившегося причиной Синьхайской революции в Китае в 1911–1913 гг., которая, в свою очередь, стала отправной точкой создания монгольской государственности.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда «Монгольский мир в условиях взаимодействия России и Восточной Азии в XX–XXI вв.». Проект №15-21-03006.

Список литературы

- Белов Е.А. 1998. *Россия и Монголия в начале XX в. (1911–1919 гг.)*. М.: Институт востоковедения РАН. 235 с.
- Беннингсен А.П. 1912. *Несколько данных о современной Монголии*. СПб.: Тип. А.С. Суворина. 108 с.
- Боголепов М.И., Соболев М.Н. 1911. *Очерки русско-монгольской торговли. Экспедиция в Монголию в 1910 г.* Т. I. Томск: Типогр. сибирск. печ. дела.
- Болобан А.П. 1914. *Монголия в ее современном торгово-экономическом отношении. Отчет Болобана за 1912–1913 год*. Пг.: Тип. В.О. Киршбаума. 85 с.
- Бурдуков А.В. 1969. *В старой и новой Монголии: Воспоминания и письма*. М.: Наука. 219 с.
- Дэмбэрэл К. 2002. *Влияние международной среды на развитие Монголии: Сравнительный анализ в историческом контексте XX века*. Иркутск: Отгиск. 102 с.
- Единархова Н.Е. 2009. *Колонизация Монголии (XVII – начало XX вв.)*: учебное пособие. Иркутск. Вост.-Сиб. гос. акад. образования. 122 с.
- Златкин И.Я. 1957. *Очерки новой и новейшей истории Монголии*. М.: Восток. 299 с.
- История Монголии XX век*. 2007. М.: Институт востоковедения РАН. 448 с.
- История Монгольской Народной Республики*. 1983. М.: Наука. 664 с.
- Калинников А. 1926. *Национально-революционное движение в Монголии*. М.-Л.: Московский рабочий. 96 с.
- Кушелев И., Беннингсен А., Свечников А. 1912. *Монголия и монгольский вопрос*. СПб: Русская скоропечатня. 121 с.
- Майский И.М. 1959. *Монголия накануне революции*. – М.: Издательство восточной литературы. 310 с.
- Хишигт Н. 2011. *Восстановление независимости Монголии в 1911–1921 гг.* Вестник БНЦ СО РАН. № 3. С. 19–35.
- Чимитдоржиев Ш.Б. 2002. *Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII–XVIII вв.* Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. 216 с.
- Ширендыб Б. 1971. *История монгольской народной революции 1921*. М.: Наука. 400 с.
- Дэндэв Л. 2011. *Автономит монголын товч түүх* [Краткая история Монгольской автономии]. Улаанбаатар.

KURAS Leonid Vladimirovich, Dr.Sci.(Hist.), Professor, Leading Researcher of the Department of History and Culture of Central Asia, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of Russian Academy of Sciences (6 Sakh'yanovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; kuraslv@yandex.ru)

MONGOLIA AS A PART OF THE QING EMPIRE IN THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Abstract. *The article examines the strengthening of policy of Mongolian colonization in the beginning of the 20th century and the attempts of turning the country into one of the provinces of the Manchu dynasty. It was manifested in the form of the «new policy» that finally led to the victory of the Xinhai Revolution in China. In turn, it contributed to the growth of Mongolian national liberation movement and Mongolian statehood forming.*

Keywords: *Mongolia, China, Qing dynasty, Chinese colonization, Manchu, Buddhism, Xinhai Revolution*